

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ.

Неоднократно въ печати раздавались и теперь раздаются жалобы по поводу неустройства у насъ церковно-пѣвческихъ хоровъ и связаннаго съ нимъ упадка истинно-русскаго церковнаго пѣнія. На собраніи духовенства 14 февраля текущаго года въ г. Ярославлѣ подобный вопросъ былъ возбужденъ и нѣсколько разработанъ по поводу доклада о. Лавра Озерова. По смыслу этого доклада, улучшеніе церковнаго пѣнія произойдетъ вслѣдъ за подчиненіемъ ц.-пѣвческихъ хоровъ духовенству.

Это дало намъ поводъ высказать свои соображенія относительно улучшенія церковнаго пѣнія, соображенія, основанныя на данныхъ церковнаго устава, исторіи церковнаго пѣнія, а также на данныхъ современной науки о церковномъ пѣніи въ Россіи. Вопросъ о подчиненіи ц.-пѣвческихъ хоровъ духовенству есть внѣшняя сторона по отношенію къ сущности церковнаго пѣнія; но въ чемъ заключается, дѣйствительно, хорошее русское церковное пѣніе въ докладѣ о. Озерова не только не выяснено, но и не упомянуто. Къ чему же будутъ стремиться духовенство и клиросы въ дѣлѣ улучшенія церковнаго пѣнія, если не намѣченъ, такъ сказать, идеаль въ области ц.-пѣвческаго искусства? Одинъ настоятель станетъ водворять у себя концертное пѣніе и свободныя сочиненія на текстъ церковныхъ пѣснопѣній, другой отдастъ предпочтеніе распѣванію только переложеній съ церковно-обиходныхъ мелодій; одинъ станетъ увлекаться громогласнымъ

¹⁹⁾ Тамъ же.

*) Докладъ, читанный на собраніи Ярославскаго градскаго духовенства 14 марта 1902 года. Выслушавъ докладъ, собраніе духовенства согласилось съ изложенными въ немъ мыслями и поручило докладчику составить проектъ инструкціи объ упорядоченіи церковнаго пѣнія.

нѣніемъ, другой—пѣніемъ въ полголоса; одинъ обратитъ вниманіе на истовое исполненіе стихиръ и вообще гласовыхъ пѣснопѣній, а другой будетъ считать достоинствомъ хора скорое, тропливое пѣніе, а большая часть, по незнанію существа дѣла, отдастъ все въ руки регентовъ, которые и станутъ по прежнему распѣвать все, что имъ угодно и какъ угодно, и улучшенія въ церковномъ пѣніи не произойдетъ, хотя пѣвчіе и будутъ считаться подчиненными духовенству.

Если обратимся къ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, то увидимъ, что наше церковное пѣніе неразрывно съ самой православною вѣрою и христіанскимъ богослуженіемъ и одновременно съ ними принесено къ намъ изъ Греціи. Самой первой нотной книгою, знакомящею славяно-русовъ съ церковнымъ пѣніемъ, былъ Октоихъ святого І. Дамаскина. Всѣ основы пѣнія греческой церкви, выработанныя за 9 вѣковъ ея существованія и выразившіяся въ установленіи *Осмогласія*, вошли въ Октоихъ І. Дамаскина и послужили тѣмъ зерномъ, изъ котораго впоследствии образовалось и развилось все наше православно-русское церковное пѣніе. А такъ какъ основное церковное пѣніе греческой церкви сложилось изъ двухъ главныхъ элементовъ—пѣнія ветхозавѣтныхъ евреевъ и музыки грековъ, то, слѣдовательно, зерномъ, изъ котораго развилось русское церковное пѣніе,— было то, что представляло изъ себя *совокупность музыкальнаго вѣдѣнія двухъ націй—ветхозавѣтныхъ евреевъ и грековъ* (античныхъ и христіанскихъ). Это первоначальное греческое пѣніе сначала было мало понятно русскому человѣку, какъ и самый греческій языкъ, пока подъ болгарскимъ и обще-славянскимъ вліяніемъ не выработался типъ, болѣе доступный сердцу и пониманію славяно-русовъ. По мѣрѣ того, какъ упрочивалось у насъ христіанство и распространялось христіанское просвѣщеніе, дѣлало успѣхи и развитіе церковнаго пѣнія. При этомъ славяно-русы, которые, какъ извѣстно, обладали богатыми музыкальными способностями, воспроизводя греческіе мотивы церковныхъ пѣснопѣній, подъ вліяніемъ религіознаго одушевленія, внесли въ оныя нѣкоторыя измѣненія и національныя особенности. Такъ мало-по-малу создавались свои, родные духу русскаго человѣка, церковныя напѣвы, которые потомъ и сдѣлались національнымъ русскимъ достояніемъ. Переработанное народнымъ геніемъ въ горнилѣ народнаго творчества и принявшее на себя печать славяно-русской

національности, церковное пѣніе на Руси въ своихъ то умили-
лительно-покаянныхъ, то возвышенно-торжественныхъ мелодіяхъ
явилось выраженіемъ и религіозныхъ думъ, и исторической жиз-
ни русскаго человѣка со всѣми его бѣдами и радостями... «Оно
порождало безграничную храбрость воинскую, оно вызывало ду-
ховное дерзновеніе, покаянную молитву и слезы высокаго уми-
ленія». (Безсоновъ). Это православно-русское церковное пѣніе, въ
теченіи вѣковъ раздававшееся въ нашихъ храмахъ и сослужив-
шее важную роль въ воспитаніи религіозно-нравственной лично-
сти русскаго человѣка, было предметомъ постоянныхъ заботъ
русскихъ государей, патріарховъ, архіереевъ и вообще всѣхъ,
кому дорого было сохраненіе православія и національности; по-
этому къ сохраненію, улучшенію и распространенію его и были
прилагаемы всевозможныя мѣры. Особо важны въ исторіи два
распоряженія: 1) назначеніе Государемъ Алексѣемъ Михайло-
вичемъ 2-хъ комиссій для исправленія нотныхъ богослужебныхъ
книгъ (1652 и 1667 г.), освободившихъ наше церковное пѣніе
отъ случайно вкравшихся ошибокъ и искаженій и 2) указъ
Св. Синода отъ 15 іюня 1769 года о напечатаніи древнихъ на-
пѣвовъ. Состоявшееся въ 1772 году напечатаніе нотныхъ книгъ,
давшее намъ «священное пѣснопѣніе въ томъ самомъ видѣ, въ
какомъ имѣли его наши предки за 700 лѣтъ» (Одоевскій), откры-
вало большія надежды на прогрессъ въ развитіи русскаго цер-
ковнаго пѣнія... Такова краткая исторія первоначальнаго истинно-
русскаго церковнаго пѣнія.

Но еще съ начала XVIII вѣка началось новое движеніе въ
области церковнаго пѣнія, которое готовило сильный ударъ
древнему пѣнію. Переселившіеся въ Россію поляки, а затѣмъ
итальянцы-капельмейстеры, со своей сладкозвучной гармоніей,
дали свое собственное направленіе русскому церковному пѣнію.
Появляется «партесь». Партеснымъ пѣніемъ называется пѣніе во
много голосовъ, въ нѣсколько голосовыхъ партій (дисканты,
альты, теноры, басы). Но не въ томъ бѣда, что иностранцы на-
учили насъ пѣть гармонично-партесно. Это было до нѣкоторой
степени и ранѣе на Руси, было оно и въ Греціи; но дѣло въ
томъ, что пѣть въ партесномъ видѣ и какъ. Безъ всякаго сомнѣ-
нія, наши древніе напѣвы, будучи пропѣты въ нѣсколько голо-
совъ, не пострадали бы отъ того; напротивъ, они улучшились бы
и, сдѣлавшись пріятнѣе для слуха, оказали бы болѣе сильное

дѣйствіе на религиозное чувство молящихся, если бы это многоголосное переложеніе выдерживало русскую мелодію и не искажало ни ея духа, ни смысла текста. А именно это-то искаженіе и произошло, когда нашъ широкій и могучій древній напѣвъ былъ подогнанъ подъ узкую рамку «польскаго художества». Польскіе композиторы, не зная и не понимая красоты и величія нашихъ напѣвовъ, просто глумились и надъ мелодіею и надъ текстомъ и, создавъ множество «партесовъ», представляющихъ изъ себя лишь «шумъ и несогласіе», бросили ихъ нашимъ клиросамъ, а сами вышли на дорогу самостоятельнаго творчества и занялись сочиненіемъ новой музыки, изобрѣтеніемъ «концертовъ», «херувимскихъ», «причастновъ», странныхъ по музыкѣ и и съ причудливыми названіями: «скокъ», «труба», «съ чердака», «чайка», «волынка», «король плачь», «струтъ» и т. п. Итальянцы, главнымъ образомъ, трудились надъ составленіемъ композицій въ концертномъ стилѣ и наполнили нашу клиросную практику аріями и соло въ сентиментальномъ духѣ, оставивъ совершенно въ тѣни наши древніе напѣвы. Этотъ сентиментализмъ и вообще концертный стиль, такъ гармонировавшій съ настроеніемъ умовъ во времена Елизаветы и Екатерины, доселѣ живъ на нашихъ клиросахъ, и кто изъ насъ не слышалъ, а можетъ быть даже и не увлекался сладкозвучнымъ тріо «Покаянія», или концертомъ «На рѣкахъ Вавилонскихъ», въ страстныхъ солахъ котораго всецѣло воплотились земныя пѣсни..., а также концертами съ безконечными, лишеными смысла, повтореніями одного и того же слова!... Наши русскіе духовные композиторы явились подражателями иностранцамъ и стали писать по всѣмъ правиламъ итальянской школы, а наши церковные хоры—раблѣнными, слѣпыми исполнителями этого музыкальнаго бреда, и какой нашъ современный церковный хоръ не грѣшенъ исполненіемъ въ святомъ храмѣ музыки, похожей на польскіе полонезы, на итальянскія аріи и на испанскія серенады, разумѣется, на текстъ нашихъ богослужебныхъ книгъ? Чрезвычайно стало грустно всѣмъ любителямъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, когда даже нашъ образцовый хоръ сталъ исполнять за богослуженіемъ пьесу, извѣстную въ Москвѣ подъ названіемъ «серенада» на текстъ «Нынѣ отпущаеши» (Муз. Соколова), написанную для лирическаго тенора съ аккомпаниментомъ хора! Куда идти

дальше? Остается только изгнать изъ церкви славянскій текстъ молитвъ, какъ изгоняемъ церковную мелодію...

Таковъ бѣглый взглядъ на пѣніе послѣднихъ двухъ вѣковъ и современное. Которое пѣніе настоящее русское,—то ли, которое освящено вѣками и заключено въ синодскія печатныя нотныя книги, или это позднѣйшее, навѣянное чужестранцами, («музыкальное искусство»)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ представлять затрудненій, если вспомнимъ о томъ вліяніи, которое производитъ то и другое пѣніе на русскаго человѣка.

Въ старину православный русскій богомолецъ шелъ въ храмъ отдохнуть душою и подъ звуки родныхъ напѣвовъ усердно помолиться пѣснословимому Богу. «Слышитъ онъ, бывало, родные старинныя напѣвы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и мыслить, что это его собственное, родное, чѣмъ утѣшались отцы и дѣды, что завѣщали они и грядущему потомству,—и отраднo, покойно становится у него на душѣ, въ сознаніи своей духовной мощи, здорoвыхъ силъ, полноты жизни» (Металловъ). И крѣпло его національное сознаніе, росла его привязанность къ Церкви, къ обычаямъ и завѣтамъ родной, священной старины, находя естественное выраженіе въ традиціонной преданности престолу, въ горячей любви къ отечеству, съ полною готовностью «стать за вѣру православную, за святыя обители, за благовѣрнаго царя нашего и за все православіе» (воинскіе стихи 16 вѣка).

А нынѣ... Не молиться ходимъ мы въ церковь, а «слушать» модный концертъ и поразвлечься... Но вѣдь развлеченій и праздныхъ забавъ въ наше время слишкомъ много; зачѣмъ же еще и храмъ Божій дѣлать мѣстомъ развлеченій? Если пастырь Церкви долженъ быть на стражѣ своей паствы вообще, то не его ли долгъ и священная обязанность охранить своихъ прихожанъ и отъ этой нежелательной деморализаціи и порчи вкусовъ и нравовъ?

Чѣмъ же помочь дѣлу, какъ направить пѣніе на истинный путь? На помощь духовенству уже явились всѣ высокообразованные музыканты такъ называемой «новой» школы. Они поставили себѣ задачей вернуть пѣніе на прежній вѣрный путь и своими трудами дать народу обновленное древле-русское церковное пѣніе. Произведенія Р.-Корсакова, Азѣва, Смоленскаго, Соловьева, Балакирева, Львовскаго, Архангельскаго, Металлова и другихъ почтенныхъ дѣятелей въ этой области даютъ намъ, дѣй-

ствительно, такое пѣніе, которое, сохранивъ всея особенности древняго напѣва, являетъ собою *возрожденіе русскаго и. пѣвческаго искусства* на почвѣ сознательно и умно-обработанной отечественной старины и вмѣстѣ—тотъ идеаль, приближеніемъ къ которому долженъ быть занятъ всякій правильно-поставленный церковный хоръ. Творческая производительность вышепоименованныхъ авторовъ ждетъ лишь разумнаго примѣненія ея на клиросной практикѣ, но о ней, къ великому сожалѣнію, кажется и не знаютъ очень многие наши церковные регенты, воспитанные на итальянской закваскѣ. При такомъ положеніи пѣвческаго дѣла, дѣятельность нашихъ церковныхъ регентовъ можетъ быть направлена въ желаемую сторону лишь настоятелями церквей, которые являются главными отвѣтственными лицами за все, совершающееся въ ихъ храмѣ и приходѣ, предъ Богомъ, людьми и своею совѣстію. Своими разъясненіями, указаніями и добрыми совѣтами они могутъ сдѣлать многое; для подкрѣпленія же ихъ разъясненій весьма своевременно изданіе инструкціи церковно-пѣвческимъ хорамъ, подробно и ясно обрисовывающей желаемое направленіе церковнаго пѣнія въ исполненіи его нашими церковно-пѣвческими хорами.

Священникъ В. Зинovieвъ.